

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

**УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ
В ГОДЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С. Т. РАЗИНА**

Советская историография всегда живо интересовалась крестьянскими войнами в России, которые были наиболее острыми проявлениями классовой борьбы народных масс позднефеодальной эпохи. Блестящие исследования И. И. Смирнова во многом прояснили события Крестьянской войны начала XVII столетия и воссоздали обобщающую картину этого мощного народного движения. Они оказали плодотворное воздействие и на историографию Второй крестьянской войны, во главе которой стоял С. Т. Разин.

Среди проблем истории Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина остается весьма слабо изученной проблема взаимоотношения основных очагов восстания с «повстанческой периферией» как на всех его этапах, так и вскоре после его подавления царскими карателями. В этом смысле к «периферии» придется отнести не только окраинные местности, в том числе Урал и Сибирь, но и удаленные от Средней и Нижней Волги центральные уезды.

Для понимания истинной роли Крестьянской войны 1670—1671 гг. в жизни современного ей общества чрезвычайно важно учесть состояние классовой борьбы в тех районах, которые не были ареной военных действий повстанцев. Поэтому автор избрал темой данной статьи Урал и Западную Сибирь в годы Второй крестьянской войны, принимая во внимание, что специально эта тема не исследовалась. Имеющиеся в литературе экскурсии носят попутный и фрагментарный характер, нуждаясь в обобщении с привлечением новых источников. Постановка такого вопроса интересна и в том плане, что на Урале и в Западной Сибири подавляющее большинство населения составляли те категории крестьян, которые не были крепостными. За исключением Стро-

гановых и духовных феодалов, там не было представителей крепостнического землевладения.

Чтобы полнее раскрыть тему, автор счел целесообразным не всегда строго придерживаться хронологии Крестьянской войны, затрагивая события и более ранних, и более поздних годов.

Народное восстание 1670—1671 гг. основательно напугало не только центральное правительство, но едва ли не в большей мере местных воевод и прочих царских администраторов далеко за пределами ареала активных военных действий.

Чтобы ограничить распространение крамолы, правительство предпринимает своего рода карантинные меры, стремясь отгородить очаги «бунта» от внешнего мира. В этих целях рассылаются воеводам строгие указы усилить караулы на дорогах, ведущих из европейской части страны в Сибирь, учредить, где необходимо, новые заставы и тщательно контролировать едущих и идущих в Сибирь. Вряд ли приходится сомневаться в том, что далеко не только цель пресечения массового бегства тяглых людей на зауральские земли заставила власти взять такой курс. Кстати, важно заметить, что в годы Крестьянской войны особенно возрос поток «сходцев» в Сибирь из Европейской России, в частности из Поморья. По свидетельству верхотурского воеводы Ф. Г. Хрущова, в 1669/70 г. «проехало мимо Верхотурья из русских городов... поголовно всех, з женами и з детьми и с маленькими ребятами 1533 человека, а на Тюмень... 518 человек».¹

Надо полагать, население поморских уездов воспользовалось некоторым замешательством властей в связи с восстанием С. Т. Разина — и переселение в Сибирь, зачастую не дозволенное администрацией, приобрело весьма широкий размах именно в это время.

Однако правительство поспешило предупредить это массовое движение в Сибирь, тем более что после поражения под Симбирском рассеявшиеся отряды восставших могли уйти на Урал и далее, что и само по себе было опасным. Неудивительно, что за пропуск беглых в Сибирь Москва грозила местным блюстителям порядка жестоким наказанием, вплоть до смертной казни.²

«Опасные» (т. е. предупредительные) грамоты были отправлены осенью 1670 г. в Чердынь и Соль Камскую. В них правительство предупреждало воевод и подьячих, «чтоб они ни на какие воровские промыслы вора Стеньки Разина с товарищи не прельщались, и против стоять и биться мужественно, и городов не здавать, и всяким ратным и жилацким людем говорить, чтоб они воевод и всяких приказных людей не выдавали».³ На-

¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 878, лл. 11—12.

² ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 82, лл. 167—168, 173—174 об.

³ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957, стр. 266.

сколько встревожены были в Москве, свидетельствует и то, что аналогичные грамоты были посланы «за государевою вислою красною печатью» в низшие звенья управленческого аппарата — в земские избы, чтобы те довели их содержание до сведения «жилицких людей» и «уездных».⁴

И эта предосторожность была отнюдь не напрасной. Из отписок вятского воеводы В. Змеева соликамский воевода И. Монастырев узнал о победе царских войск над Ветлужско-Унженским отрядом повстанцев во главе с Ильей Ивановым (Пономаревым).⁵ Однако, по сведениям Змеева, «вор Илейка с товарищи не со многими людьми побежали через Кологрив и через Вятку к Соли Камской». Вятский воевода уверял своего соликамского коллегу, что И. Иванов «взял... с собою жонку с двема робяты и, нарядя в доброе платье, приехал к городу, хочет назватца воеводою или прикащиком».⁶ Разумеется, эта весть не внушила бодрого настроения И. Монастыреву, тем более что Змеев прислал в Соли Камскую плененного сподвижника И. Иванова — Михаила Михайлова — специально «для сыску и опазныванья того вора Илейки с товарищи».⁷ Монастырев с пристрастием допросил Михайлова, который сказал, что И. Иванов с Андреем Дураком «4 человека, на лошадях побежали к Соли Камской».⁸

Относительно намерений И. Иванова и его сподвижников Михайлов поведал еще более напугавшие воеводу сведения. По словам отписки Монастырева, атаман И. Иванов хотел в Соли Камской «жить до весны, а иных воров, товарищев своих, для всякой воровской прелести хотел оставить на Вятке», чтобы там и в Соли Камской исподволь готовить восстание («меж христианы хотели воровские всякие прелести чинить»). Оставшиеся в живых повстанцы из отряда И. Иванова должны были к весне 1671 г. собраться в Вятку и Соли Камскую и присоединиться к восстанию. Замысел заключался также в том, чтобы, «прибрав людей», в ходе выступления расправиться с местными воеводами, подьячими, приказными и «лутчими» посадскими людьми, разграбить их «животы» и двинуться «к Стеньке Разину на низ Камою рекою».⁹

Как видно, планы продолжения борьбы, на сей раз с опорой на крупнейшие поморские посады, были достаточно смелыми и широкими. В том, что такие планы действительно существо-

⁴ Там же.

⁵ Подробнее о действиях этого отряда см.: Ю. А. Тихонов. Крестьянская война 1670—1671 гг. в лесном Заволжье. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова, М., 1963, стр. 270—282.

⁶ Кр. война, т. II, ч. 1, № 370, стр. 468—469.

⁷ Там же, стр. 469.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 470; И. В. Степанов. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина (1670—1671 гг.). М., 1957, стр. 69.

вали, убеждает другое документальное свидетельство — допросы пойманных в Вятском уезде остальных участников похода И. Иванова. Весной 1671 г. Новгородский приказ в грамоте, адресованной вятскому воеводе В. Змееву, упоминает, что последний учинил допрос и пытку взятым в плен повстанцам (в количестве 61 человека). Расспрос показал, что все они шли к Соли Камской с целью город «разорить, людей побить и животы пограбить; а воровав у Соли, итти было на Каму, и на Волгу для такова же воровства».¹⁰ Даже за претенциозным изложением приказного документа явственно заметна общность намерений участников движения, вполне согласующаяся с показаниями М. Михайлова.

Наличие в Соли Камской и ее уезде большого числа пришлого люда, ищущего заработка, а также местной бедноты создавало дополнительную угрозу для властей и «лучших» людей и затрудняло поимку разинцев. По распоряжению соликамского воеводы к заключенному в тюрьме Михайлову стали приводить на очные ставки «гулящих прохожих и варничных работных и тутошних иногородних многих людей для сыску тех воров и опасыванья». О возможности появления разинцев в уральских и сибирских уездах И. Монастырев предупредил соответствующих воевод и приказных людей, ставя целью «Илейку с товарищи и иных таких же воришков в Сибирь не пропустить для такова же возмущения и прелести».¹¹

Жалуясь на недостаточность местного гарнизона и плохое состояние городских укреплений, соликамский воевода сообщал в Новгородский приказ: «И без служивых, государь, людей нам... у Соли Камской в такое нынешнее шаткое время от таких пришлых ярыжных голых людей жить конечно опасно и страшно, потому что у Соли ярыжных пабродных людей безмерно много».¹² С воеводой нельзя не согласиться. Н. В. Устюгов путем анализа движения населения Соликамского посада и уезда показал возросший с середины XVII в. приток пришлых работных людей на промыслы. С неудовольствием и тревогой Монастырев писал о составе Соликамского посада, что там две трети жителей состоят из «иногородних приезжих и прихожих всяких чинов незнающих работных людей, которые... работают, переходя, у Соли Камской и... Зырянских угольях и в Строгановых слободах», причем у них нет проездных документов от местных воевод.¹³ Как царские власти, так и богатые солевары опасались «дурна» от скопившейся здесь голытьбы, а именно голытьба составляла наиболее решительный элемент в восстании С. Т. Разина. Именно го-

¹⁰ Кр. война, т. III, № 64, стр. 69; ср.: Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке, стр. 266.

¹¹ Кр. война, т. II, ч. 1, № 370, стр. 469.

¹² Там же, стр. 470.

¹³ Там же, стр. 469.

лытьба вызывала к себе наибольшую ненависть социальных верхов, внушая им звериный страх.

В этой связи становятся достаточно понятными навязчиво повторяемые после подавления основных очагов Крестьянской войны в царских грамотах сентенции, предостерегающие всех, обладающих имуществом или хотя бы собственным домом, от гольтыбы и ее «злых» намерений.

Такие грамоты были получены в уральских и сибирских городах. Они являлись как бы ответом на «прелестные» письма разинцев, давая свою трактовку событиям и вызывая к собственническим инстинктам не только привилегированных слоев, но и более широких кругов населения. На это совершенно отчетливо указывает январская грамота 1671 г. из Приказа Казанского дворца тобольскому воеводе И. Б. Репнину. Здесь С. Т. Разин обвиняется, кроме всего прочего, в том, что он «обольстил» «низовых городов жителей бездомовных людей». Рассылку «прелестных» писем Разина из-под Симбирска грамота характеризует как «соблазн незнающим и бездомовным людям», причем отмечается, что «по тем прелестным воровским письмам незнающие и бездомовные люди в розных местех пошатались, к (ним) вором, к Стеньке Разину с товарищи, пристали».¹⁴ В тех же выражениях составлена другая грамота И. Б. Репнину от марта 1671 г.¹⁵ и тобольская память тюменскому воеводе (апрель того же года).¹⁶

Но вернемся к Соли Камской в те тревожные дни. В конечном итоге И. Иванову и людям из его отряда не удалось добраться до этого уральского города. По дороге они были схвачены близ Тотьмы. В декабре 1670 г. И. Иванова повесили на берегу р. Сухоны, его сподвижника Мирона Мумарина, предводителя марийских отрядов, задержали в Устюге Великом.¹⁷

Открытое выступление в Соли Камской, таким образом, не состоялось. Те, кто предполагал сюда пройти, оказались в вятской тюрьме и в Соли Камскую были доставлены скованные и под сильным конвоем — по дороге в сибирскую ссылку. Предварительно их жестоко били кнутом, а до того многократно пытали. Трех «пущих заботчиков» по указу из Москвы казнили в Вятке. Из 58 человек ссыльных разинцев до Верхотурья дошло только 46. Остальные или умерли в дороге, или не смогли дальше двигаться из-за тяжелого недуга и остались отлеживаться (а скорее всего умирать) в населенных пунктах по сибирской дороге.

¹⁴ Там же, № 410, стр. 531.

¹⁵ Там же, т. III, № 33, стр. 40.

¹⁶ Там же, № 43, стр. 50—51. — Встречаются подобные грамоты и в делопроизводстве местных воеводских канцелярий (Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, картон 17, № 21, лл. 1—5, и картон 18, № 23, лл. 1 и сл.).

¹⁷ С. И. Порфирьев. Разинщина в Казанском крае. Казань, 1916, стр. 66; Кр. война, т. II, ч. 1, № 402, стр. 522—523.

В июле 1671 г. верхотурский воевода Ф. Г. Хрущов произвел ссыльным разинцам допрос и составил подробную роспись, которая представляет значительный интерес. Вследствие скудости введенных в научный оборот данных о составе и происхождении повстанцев, заключенные в росписи сведения приобретают особую ценность.¹⁸

Знакомство с этим источником показывает, что из 46 человек «государевыми» крестьянами назвались 26, бобылями — 14, частновладельческими крестьянами — 3, холопами — 2; один оказался беломестным казаком. Обращает на себя внимание очень небольшая доля крепостных (с учетом двух бобылей Соловецкого монастыря и холопов — всего 7 человек, т. е. менее 15%). Подавляющее большинство повстанцев этой группы — крестьяне и бобыли русского Севера, т. е. поморской чернососной деревни. «География» ссыльных такова: Важский уезд — 15 человек, Устюжский — 13; по двое из Соликамского и Сольвычегодского уездов. Трое крестьян были крепостными вологодских помещиков, один — из владений пошехонского помещика, двое бобылей объявили себя жителями Сумского острога Соловецкого монастыря. По два человека было из Олонецкого и Холмогорского уездов, а также из Устьянских волостей. Один повстанец оказался вятчанином и один — беломестным казаком Невьянской слободы Верхотурского уезда.

Итак, при довольно разнообразной административно-территориальной принадлежности самую значительную часть отряда составляли чернососные крестьяне и бобыли, что позволяет несколько иначе оценить участие населения северных районов в общей антикрепостнической борьбе времен Крестьянской войны 1670—1671 гг. Разумеется, для более широких выводов этот материал недостаточен, однако и он красноречиво указывает на возможность относительно единого фронта борьбы против угнетателей. И одновременно приходится отмечать, что частновладельческие крестьяне редко покидали пределы «своих» мест во время восстания, а это создавало известный внутрисословный барьер, мешавший сплочению сил и приводивший к локализации очагов движения.

Нам не известна дальнейшая судьба данной группы разинцев в Сибири. Из Верхотурья их отправили в Тобольск. Вероятно, этих ссыльных намеревались поселить в Восточной Сибири.

Рассылая на Урал и в Сибирь мажорного тона грамоты о поражении С. Т. Разина, правительство предупреждало насчет необходимости ловить повстанцев при попытках укрыться за «Кам-

¹⁸ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 152, лл. 163—176; ср.: Кр. война, т. III, № 15, стр. 171—172 (здесь опубликована роспись 9 человек из этой партии, имевших семьи в «русских городах и волостях»).

нем». Некоторые заставы в этом деле преуспели. В грамоте Сибирского приказа тобольскому воеводе И. Б. Репнину указывалось, что после сражения под Симбирском есть основания полагать, что из рассеявшихся разинцев «иные побегут в пописовые и в сибирские города».¹⁹ Сыщик И. Талызин, действовавший в Приуралье, не без торжества доносил, что летом 1671 г. «на уфинской дороге (на) Верх-Иренской заставе пойман воровских казаков от Стеньки Разина вор Стенька Иванов. А шел тот вор, обходя заставы, в Сибирь».²⁰ В том же году на Утке изловили и препроводили в Соль Камскую «воровского человека» Кондрата Данилова.²¹ Служилые люди г. Березова в 1679 г., обращаясь к царю с челобитной о жалованье, вспоминали, что «во 182-м году мы... на Собской заставе изымали беглых воров станицы Стеньки Разина астраханца Бориска Голышенкова да Мишку Черновского с товарищи 10 человек». Печальная участь ожидала задержанных. Б. Голышенков и М. Черновский «на Березове вершены, а Макушка с товарищи 8 человек везли до Сургута».²² Разумеется, дальнейшая судьба этих людей не интересовала царских служак. За участие в разинском движении заплатили ссылкой в Сибирь астраханский толмач Иван Романов.²³

Судя по несколько более поздним документам, царские власти опасались даже пойманных и отправленных в сибирскую ссылку повстанцев. При транспортировке их «за Камень» рекомендовалось избегать больших партий и предписывалось соблюдать почтительные дистанции между группами этих особо опасных ссыльных во время движения по сибирской дороге (чтобы они «в близких верстах» друг от друга не находились).²⁴

Вполне вероятно, что полоса восстаний в сибирских городах и слободах конца XVII в. имела некоторую связь с тем, что традиции разинского движения, сохраненные ссыльными и удачно скрывшимися в Сибири участниками этого восстания, дали о себе знать. Во всяком случае во время Красноярского восстания 1695—1698 гг. воевода Мпрон Башковский в ответ на свои увещевания получил от служилого человека Игнатия Ендаурова предметный урок. Ендауров заявил Башковскому, что «Степан де Тимофеевич Разин пришел на князей и на бояр, и на таких же воров, как будто каков и он Мпрон», «и о казни того вора Стеньки Разина он, вор Игнашка, непристойно говорил же».²⁵ Один из

¹⁹ Кр. война, т. II, ч. 1, № 33, стр. 40, и № 410, стр. 531.

²⁰ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в. М., 1956, стр. 251.

²¹ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, картон 18, № 4, лл. 1—31.

²² Кр. война, т. III, № 296, стр. 374.

²³ Там же, № 298, стр. 375—376.

²⁴ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 41, л. 49 и сл.

²⁵ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. IV, М., 1959, стр. 178.

предводителей крестьянского движения близ Иркутска в 1691—1692 гг. принял имя Стеньки Разина.²⁶

Ссылные участники Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина продолжали прибывать в Сибирь и значительно позже подавления движения. Карательный аппарат царизма не мог сразу пропустить через свои застенки такое множество «бунтовщиков»; следствия иногда тянулись годами. В августе 1675 г. в «розные сибирские низовые города в пашню» была сослана еще одна группа участников восстания. Среди них мы видим четырех крестьян казанского митрополита и двух посадских людей «тетюшен». Мотив ссылки изложен совершенно ясно: «за многое воровство и за низовой бунт, что они в бунт... Стеньки Разина воровали, письмами к нему, Стеньке, пересылались и с воровскими людьми знали».²⁷

До сих пор мы говорили о передвижениях (вольных и невольных) разинцев в восточном направлении. Но были передвижения и встречного порядка. Вести о народном восстании в Поволжье привлекали туда некоторую часть сибирских жителей, по-видимому желавших участвовать в борьбе против ненавистных воевод и дворян. Показателен следующий факт. В июне 1671 г. через Краснопольскую слободу, как сообщал местный приказчик Иван Романов, прошло «человек со сто с ружьем и сказывались, что Тобольского уезду слобод без подорожных». Попытка Романа их вернуть восвояси не удалась. Они «отбились и говорили, что их высылают тобольские дети боярские на Верхотурье». Если даже предположить, что тут речь идет о беглых поморских жителях, которых, согласно сыску 1671 г., надлежало возвратить на старые места обитания, и то придется отметить по меньшей мере странное поведение этих людей. Во-первых, они следовали без провожатых, во-вторых, у них было оружие, что исключает факт подневольной высылки. И, наконец, по словам того же приказчика, «на Верхотурье они не пошли, а пошли прямою дорогою на Чусовую».²⁸

Еще в 1668—1669 гг. в Тобольске «объявились» беглые красноярские служилые люди, которые сообщили властям, что «хотя с Красноярского острогу многие служилые люди, заворвав, разбежатца врознь». Направление возможного пробега определяется весьма точно — на Запад. Верхотурские власти приняли меры для поимки красноярских беглецов, о чем была дана память в Тагильскую слободу.²⁹

²⁶ В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. Истор. зап., т. 59, 1957, стр. 281.

²⁷ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, картон 22, № 22, лл. 1—2.

²⁸ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 152, л. 120.

²⁹ Там же, Столбец 166, ч. 1, лл. 219—220.

В апреле 1673 г. из Тобольска бежали ночной порой слыльные: донской казак Осташка Троятской и четверо воронежцев. Тобольские власти не без оснований полагали, что беглецы устремились «на Русь», в связи с чем были даны строгие указания по слободам и заставам, подведомственным верхотурскому воеводе.³⁰ Повеление гласило, чтобы беглецов изловить «без всякого забвения и оплошки». Кроме того, наказывалось в категорическом тоне, чтобы тамошние жители не смели «таить и укрывать» не только этих беглецов, но и вообще «прихожих всяких чинов людей». Все это сопровождалось угрозами жестокого наказания, вплоть до смертной казни, в случае неисполнения распоряжения.³¹ Дабы воспрепятствовать неуказным передвижениям по дорогам на перевалах в Сибирь, власти адресовались также к местному ясачному населению, хорошо знакомому с заповедными тропами, которыми могли воспользоваться беглецы.³²

Таким образом, разными путями и в различной степени горячее дыхание Крестьянской войны 1670—1671 гг. достигало далеких восточных окраин страны, вызывая леденящий ужас у царских властей. «Понизовые вести» ожидались в приказных избах с великой тревогой и наспех передавались далее.

В оживленной переписке между воеводами уральских и сибирских городов неизменно звучит эта нота. Спесивые царские наместники наперебой уговаривают друг друга «писать почаству» и немедленно о событиях в Поволжье. Даже постоянные распри между воеводами Тобольска и Верхотурья, затрагивавшие и служилых людей этих городов, на время как будто бы отошли на задний план. Недаром верхотурский воевода Ф. Г. Хрущов в августе 1671 г. наказывал своим подчиненным, чтобы они на заставах, где были и тобольские служилые люди, «розни и несвету» с теми не допускали.³³

Мы не можем утверждать с достаточной уверенностью, что восстание С. Т. Разина оказало непосредственное воздействие на обострение классовой борьбы в уральско-западносибирском районе тех лет. Но не подлежит сомнению, что как раз начало 70-х годов XVII столетия ознаменовалось небывалым до того подъемом крестьянского движения в этом крае. Данное совпадение не так легко признать простой случайностью. Факты свидетельствуют, что в ряде местностей наблюдались достаточно острые и открытые проявления социального протеста, подчас выливавшиеся в вооруженные столкновения с представителями администрации и служилыми людьми.

³⁰ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, картон 20, № 13, л. 1.

³¹ Там же, картон 21, № 3, лл. 5—6.

³² Там же, № 12, лл. 1—3.

³³ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 152, лл. 117 об.—119.

Так, летом 1671 г. в Кунгурском уезде имели место крупные волнения крестьян, вызванные слухом о том, что есть «государев указ», чтобы «побивать» служилых и начальных людей расквартированного здесь солдатского полка. Вооружившись чем попало, крестьяне стали нападать на дворы, в которых на постое находились служилые люди, а также на заставы, где те несли караульные обязанности. Многие служилые, нануганные этими событиями, укрылись в Кунгуре, Торговишском острожке и в других укрепленных пунктах. Несколько дней толпы жителей уезда стояли под стенами Кунгура и Воздвиженской пустыни. В их стане раздавались призывы взять город силой. Однако полковой воевода М. Бараков опомнился и принял контрмеры. По его приказу несколько человек арестовали и бросили в тюрьму.

Участники выступления не продолжили своих активных действий в значительной степени потому, что понадеялись на специально отряженного из Москвы сыщика Ивана Поливкина, который должен был по жалобе местного населения произвести расследование о злоупотреблениях М. Баракова и его подчиненных. И. Поливкин тогда находился в Кунгурском уезде, и подивившиеся крестьяне наивно ожидали от него помощи, так как рассматривали царского сыщика в качестве «оберегателя» населения. Конечно, Поливкин и не думал поддерживать крестьянское «бунтовство». Он и так нажил себе служебные неприятности. Сообщая в Казань о «бунте» жителей Кунгурского уезда, М. Бараков главную вину взывал на Поливкина, объявив его подстрекателем. Ловко дав подножку посланцу правительства, полковой воевода стремился заодно представить в выгодном свете свою деятельность и дезавуировать жалобы населения.³⁴

Одновременно с событиями в Кунгурском уезде тем же летом 1671 г. за Уралом, на территории Верхотурского уезда, производился сыск беглых поморских крестьян с целью их возвращения на прежние места обитания. Однако власти столкнулись с такой стеной явного и скрытого противодействия крестьян, что по сути дела вынуждены были отступить. Сыск, можно сказать, провалился. Лишь единицы из числа выявленных «сходцев» были высланы в европейскую часть страны. Подавляющее большинство их так и осталось на месте. Тобольский сын боярский Степан Астраханцев, выполнявший задание по сыску, жаловался, что «прихожие люди... от переписки укрываютца и бегают... и к переписке не приходят. А у кого они... на подворьях жили, и те домовые люди про тех беглых людей и где они укрываютца не сказывают».³⁵

³⁴ См.: ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, 1671 г., д. 2077, лл. 24—28, 153; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в., стр. 250—251.

³⁵ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стб. 152, л. 115; см. подробнее: А. А. Преображенский. Сыск беглых на Урале в 1671 г. в сб.: Из истории Урала, Свердловск, 1960, стр. 89—100.

Не далее как в мае 1672 г. серьезную озабоченность верхотурского начальства вызвали события в Краснопольской слободе и на заводе братьев Тумашевых, расположенном неподалеку от нее. Слободской приказчик Иван Кунцев донес воеводе, что группа краснопольских крестьян и рабочих людей завода учинила «бунт». Петр Рублев, Матвей Драгунов, братья Сажины и их товарищи пришли в судную избу «с бунтовством и приказчику с отказом от всяких дел». Вооруженные кто чем попало, крестьяне и рабочие избили приказчика, а вместе с ним и земского старосту Луку Мензеля. Того и другого они «из избы воп выгнали». Досталось также приближенным к старосте (его «ушником»). Участники выступления, как потом жаловался пострадавший Л. Мензеля «с товарищии», «нас... к себе в бунт звали». Должно быть, за отказ совместно действовать их и поколотили. В чем состояли дальнейшие намерения возмущившихся против властей крестьян и рабочих, остается неизвестным. Относительно поименованных в отписке приказчика и челобитной земского старосты инициаторов «бунта» — П. Рублева и др. — доносители многозначительно добавляли, что те не впервые выступают против местной администрации, причем «на тех бунтовщиков прежние приказчики на Верхотурье в бунтовстве писывали многаяжды в обихах и изгонях».

Воевода приказал произвести расследование этого дела, осложненного взаимными обвинениями И. Кунцева и братьев Тумашевых. Как показало следствие, не было сколько-нибудь веских оснований считать Тумашевых причастными к «бунту». Из мирской челобитной краснопольских крестьян явствует, что они выражали резкое недовольство управлением со стороны как приказчика, так и земского старосты. Кроме Кунцева, об участии Тумашевых «в бунте» никто из допрошенных в ходе следствия даже не упоминает.³⁶ В это время у самих Тумашевых на заводе не все было спокойно. Некоторые из крестьян, работавших на заводе, вышли из повиновения. Петр Тумашев в те июльские дни жаловался на крестьянина Матвея Драгунова, который «сильно» взял коня с завода.³⁷ Годом ранее (в апреле 1671 г.) заводчики перепугались, когда «неведомо какие воровские люди» ночью подошли к заводу, стреляли по сторожевым собакам из луков, но «напуска» не последовало и все для Тумашевых обошлось благополучно, хотя они на будущее сочли за благо предупредить власти о возможном нападении на завод.³⁸

Глухие известия сохранились от того же лета 1672 г. о каком-то заметном волнении крестьян Белослудской слободы, направленном против приказчика. Потребовалось вмешательство

³⁶ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, картон 19, № 7, лл. 35—80.

³⁷ Там же, № 21, л. 1.

³⁸ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 285, л. 21.

властей, результатом которого было публичное наказание зачинщиков выступления батогами.³⁹

С пространной жалобой на своих крестьян, уличая их в «надругательстве», обратилась в верхотурскую канцелярию братия Невьянского Богоявленского монастыря.⁴⁰

Следующий, 1673 г. доставил также немало хлопот царской администрации. На первый взгляд по пустяковому поводу вспыхнуло возмущение крестьян ряда деревень того же Верхотурского уезда. Служилые люди покупали у крестьян хлеб. Все шло «без шуму», пока в одной из деревень не возникла ссора при взвешивании покупного хлеба. Как можно догадываться, служилые люди хотели воспользоваться ранее изданными распоряжениями об указных льготных для них ценах на хлеб. Конфликт привел к столкновению между служилыми и крестьянами. Служилых людей избили при весьма одобрительных криках многих сбегавшихся к месту происшествия крестьян. С позором выставленные из деревень служилые люди потребовали у властей наказания виновных.⁴¹ Резкая и решительная реакция крестьян может быть поставлена в связь с их давними протестами против принудительных цен, которые им пытались навязать власти, когда дело касалось продажи хлеба служилым людям.⁴²

В самый разгар срочных работ по изготовлению судов для тобольского «хлебного отпуска», осуществлявшегося ежегодно с открытием навигации, произошли осложнения на плотбище близ Невьянской слободы в апреле 1673 г. Чтобы побудить плотников и местных крестьян к скорейшему завершению поделки дощаников, верхотурский воевода строго предупредил слободских приказчиков об их личной ответственности за выполнение казенного заказа. Следуя инструкции о самоличном досмотре положения на плотбищах, невянский приказчик сын боярский Прокопий Буженинов в сопровождении беломестных казаков, прихватив с собой и местного попа для внушения богобоязненного отношения к делу ео стороны строивших дощаники, тронулся к плотбищу. Там, где строился дощаник плотника Алексея Лаптева, самого плотника на месте не оказалось. Он уехал в Верхотурье за материалами. Постройку судна без него продолжали его племянники Федор и Иван Лаптевы «с товарищи» (число которых, как часто бывает, не указывалось).

³⁹ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков. М.—Л., 1946, стр. 221.

⁴⁰ Архив ЛОИИ, Верхотурская восводская изба, картон 18, № 4, лл. 132 и сл.

⁴¹ Там же, картон 21, № 1, лл. 1—6.

⁴² См.: А. А. Преображенский. Борьба верхотурских крестьян против казенных закупок хлеба в середине XVII в. Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского, М., 1961, стр. 61—66.

Буженинов, познакомившись с состоянием строящегося дощаника, пашел, что работа здесь идет «тихо», и заметил другие изъяны, о чем тут же в повелительно-угрожающем тоне заявил строителям. Приказчик для острастки пригрозил наказанием Лаптевым и их подручным. Тут и произошло непредвиденное: те пришли в ярость и стали в свою очередь грозить Буженинову, называя его вором, и к тому же «кнул сулили». С топорами и «ослопами» они кинулись на приказчика, крича при этом: «Хотя де мы тебя на плодбище и убьем досмерти, то де недорогое дело, за то де нам повешенья не будет, и много де, что нас за то кнутом просекут». За того заступились беломестные казаки, бывшие, разумеется, при оружии. Им удалось отбиться от работников. Буженинов со спутниками поспешил удалиться. Приказчик не замедлил отписать в Верхотурье, откуда был наряжен сыск по этому делу. К сожалению, большая часть следственных документов не сохранилась. Привлечь к дознанию Лаптевых не удалось, так как они, по-видимому, скрылись. В ходе разбирательства дела выяснилось, что крестьяне Певьянской слободы выразили претензии Буженинову, потребовав, чтобы он не пользовался крестьянскими лошадьми для своих служебных разъездов. Воевода это требование счел возможным удовлетворить, но по отношению к участникам «бунта» на плодбище занял жесткую позицию. Его помета на деле гласила: «... велеть тем мужикам учинить наказание — вместо кнута бить батоги нещадно при многих людех, чтоб, на то смотря, иным было неповадно прикащиков бранить и невежничать, чтоб были прикащикам страшны».⁴³

В этом столкновении важно выделить то «легкое» отношение к возможности убийства приказчика, которое сквозило у строителей дощаника. Действительно, незадолго перед этим летели с плеч куда более чиновные головы, когда полыхала Крестьянская война и восставшие во многих местах круто расправились со своими угнетателями. Об этом не могли не знать жители уральских и сибирских уездов, — что, впрочем, не скрывало правительство в своих грамотах, адресованных для широкого оглашения.

Значительное восстание произошло в 1673 г. в Кайгородке. Восставшие посадские и крестьяне сместили воеводу Г. Х. Волкова, прогнали приставов, целовальников и старост, фактически взяв на несколько месяцев власть в свои руки. Прямым поводом для выступления послужили дополнительные денежные поборы с населения на строительство каменных зданий в Архангельске. Только с помощью стрелецких войск, присланных по указу из Москвы, удалось подавить это восстание, что повлекло за собой казни, многочисленные аресты.⁴⁴

⁴³ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 33, ч. 3, лл. 525—536.

⁴⁴ См. А. В. Эммаусский. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Кировское книжное издательство, 1956, стр. 97—98.

Таковы некоторые материалы, характеризующие поставленную в статье тему. Они, при всей их отрывочности и неполноте, все же дают право утверждать, что в изучении проблем Второй крестьянской войны важно учитывать ее влияние на восточные окраины. Урал и Сибирь играли известную роль в продолжении борьбы на нисходящем этапе войны, когда повстанцы стали терпеть поражение. Среди остатков разинских отрядов, действовавших на северном фланге, возникла не лишенная реальности идея превращения некоторых поморских центров, в том числе Соли Камской, в повстанческие оплоты. Ставка делалась на вовлечение в восстание работного люда уральских соляных промыслов. Участие крестьян поморских уездов в восстании С. Т. Разина можно считать более активным, чем это принято в литературе.

Наконец, выявляется определенный подъем классовой борьбы на Урале и в Западной Сибири начала 70-х годов XVII столетия, совпадающий по времени с тем моментом, когда главные районы Крестьянской войны постепенно выходили из активной борьбы под напором царских карателей. Запоздалый всплеск локальных выступлений на восточных окраинах можно признать своего рода характерным явлением позднего феодализма, отражающим общие закономерности классовой борьбы крестьянства в периоды ее высшего подъема.
